

На правах рукописи

Кошко Алла Рамазановна

***Судопроизводство по преступлениям против
государства в период «оттепели» (1953-1964гг.)***

Специальность 12.00.01 -
теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени кандидата юридических наук

Краснодар 2009

Работа выполнена в Кубанском государственном аграрном университете

Научный руководитель:

Рассказов Л.П. – заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Савченко М.С. - доктор юридических наук, профессор

Упоров И.В. – доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
профессор

Ведущая организация – Краснодарский университет МВД России

Защита диссертации состоится 18 февраля 2009 г. в 12 час., в ауд. 215 на заседании объединенного диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по юридическим наукам ДМ 220.038.10 при Кубанском государственном аграрном университете (350044 Краснодар, ул. Калинина,13).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кубанского государственного аграрного университета (350044 Краснодар, ул. Калинина,13).

Автореферат разослан " ____ " _____ 2009 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор юридических наук, профессор

Камышанский В. П.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В начале 1950-х гг. советское государство вступило в период некоторых демократических преобразований, изменивших в итоге модель тоталитарного социализма в СССР и сопряженных с постепенным переосмыслением прежней системы политических и правовых ценностей. Идеи о преодолении культа личности, выдвинутые в 1956 г. XX съездом КПСС, вызвали широкий общественный резонанс и способствовали формированию нового общественно-политического климата в стране, получившего название «оттепели». На XXII съезде КПСС в 1961 г. была принята новая программа партии и было объявлено о ближайшей перспективе построения в СССР коммунистического общества и огромном значении в этом деле институтов народного самоуправления. Важнейшее значение в данном контексте имело существенное изменение карательной политики государства, результатом которого стало завершение почти тридцатилетнего периода политических репрессий, когда несогласные с «генеральной» линией, определяемой Сталиным, считались «врагами народа» и нередко без достаточных оснований подвергались смертной казни и направлению в исправительно-трудовые лагеря, в ссылку, в том числе во внесудебном порядке по решению органов государственной безопасности. В судопроизводственной деятельности значительно больше внимания стало уделяться вопросам соблюдения законности. Трудно, медленно, но все же произошла деполитизация ГУЛАГа, с которым общество долго ассоциировало жестокую карающую систему. Вместе с тем процесс либерализации общественных отношений проходил противоречиво – в частности, несмотря на осуждение культа личности, продолжала действовать сталинская Конституция СССР 1936 г., вплоть до рубежа 1960 г. функционировали в своей основе прежние УК РСФСР 1926г. и УПК РСФСР 1923 г., власть по-прежнему жестко расправлялась с теми, кто высказывался против советского строя и тем более совершал практические действия в этом направлении, о чем свидетельствует, например, подавление стихийного протеста против повышения цен на продукты питания в Новочеркасске в июне 1962 г., а уголовно-политические процессы еще не до конца освободились от признаков сталинского «правосудия»; в уголовно-процессуальном праве так и не была принята норма о праве всех категорий обвиняемых иметь защитника с момента предъявления обвинения. Такое неоднозначное положение показывает необходимость дополнительного исследования данной проблематики применительно к периоду «оттепели», начавшемуся после смерти Сталина (1953 г.) и завершившийся после смещения Хрущева со своих постов (1964г.). В частности, недостаточно изученными являются вопросы развития уголовного законодательства об ответственности за совершение государственных преступлений, и прежде всего, трансформации составов таких преступлений. Достаточно много дискуссионных вопросов в сфере правового регулирования и реализации основных стадий производства дел о государственных преступ-

лениях, исполнении уголовных наказаний в исправительно-трудовых учреждениях. В имеющихся соответствующих публикациях, касающихся этого периода, вопросы освещаются в основном с политологических позиций, причем как правило делаются либо негативные, либо позитивные оценки, и не учитываются сложность и неоднозначность многих проявлений в сфере судопроизводства по делам о преступлениях против государства. Вместе с тем изучение столь сложных процессов в деятельности карательного механизма советского государства предполагает обращение прежде всего к правовой стороне – этому аспекту в имеющихся работах уделяется явно недостаточное внимание. Так, важным представляется вопрос о соотношении содержания уголовно-процессуального законодательства, которое в своей основе соответствовало общепризнанным судопроизводственным принципам, и фактической его реализацией. Недостаточно изучена и нормативно-правовая база деятельности органов государственной безопасности, в том числе созданного в 1954 г. КГБ СССР. Представляется также важным изучить практику реализации норм уголовно-процессуального права применительно к конкретным уголовно-политическим процессам, и прежде всего тем, которые являются характерными и получившими широкий общественный резонанс. Наличие этих и других историко-правовых проблем в период «оттепели» диктует необходимость дальнейшего изучения правового механизма осуществления судопроизводства по делам против государства в указанный период и актуализирует значимость его научного анализа.

Степень разработанности темы. Вопросы, связанные с историко-юридическим анализом уголовно-политического судопроизводства в период 1953-1964 гг., в научном плане стали изучаться лишь с конца 1980-х гг., когда в рамках политики перестройки советского руководства получил развитие принцип гласности и стали публиковаться ранее закрытые источники. Но и при таких условиях в контексте заявленной темы комплексных историко-правовых научных трудов не было, а различные аспекты осуществления судопроизводства по делам о государственных преступлениях в указанный период исследовали такие авторы, как Гордин Я.С., Деентьев С.И., Детков М.Г., Дугин А.Н., Жильцов С.В., Земсков В.Н., Иванов В. А., Козлов В.А., Кузьмин С.И., Мардарь И., Медведев Р.А., Назаров О., Пихоя Р., Платонов О., Пыжиков А.В., Рассказов Л.П., Серов Д., Смыкалин А.С., Трайнин А.Н., Хаустов В.Н., Эдельман О., Якимчук Н. и др. Данная проблематика нашла также отражение в ряде диссертационных работ, среди которых можно отметить следующие: Блок А.Ю. Исторический опыт административно-правоохранительной политики советского государства в 1953-1964 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2002; Грошев С.Н. Реформирование системы органов внутренних дел СССР в 1956 - 1968 гг. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Дорохов В.Ж. Опыт реформирования и деятельности органов милиции Хабаровского края в 1953-1968 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006; Есешкин М.М. Основные направления государственной деятельности Н.С. Хрущева (1953 – 1964 гг.): историческое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Ковалева Е.М. Организационно-правовые основы деятельно-

сти Советской милиции по борьбе с преступностью в послевоенный период восстановления народного хозяйства и либерализации политического режима; социально-экономических реформ (1945-1960 гг.). Дис.... канд. юрид. наук. М., 2002; Лукин Ю.Ф. Сопротивление тоталитаризму, активность и протест в истории советского общества. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993; Петров А.Г. Реабилитация жертв политических репрессий (историко-правовой анализ). Дис. ... д-ра юрид. наук. Н.Новгород, 2006; Пыжиков А.В. Исторический опыт политического реформирования советского общества в 50-60-е годы. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1999; Романовская В.Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века. Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1997. Помимо этого издано большое количество публицистической литературы и воспоминаний, которые вызвали определенный резонанс в обществе, поскольку по многим вопросам впервые открыто были затронуты весьма болезненные стороны советской истории периода «оттепели». Однако юридические аспекты осуществления дознавательно-следственной и судебной деятельности по делам о преступлениях против государственных интересов в период 1953-1964 гг. еще не стали предметом специального монографического исследования. В данной работе предпринята попытка некоторым образом восполнить этот пробел.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1953 г. до 1964 г. Отправной точкой является смерть Сталина в начале марта 1953 г., после которой начался довольно активный процесс корректировки карательной политики и реорганизации правоохранительных органов, в том числе органов государственной безопасности. Верхний рубеж хронологических рамок (октябрь 1964 г.) обусловлен смещением Хрущева со всех руководящих постов и последовавшим вслед за этим пересмотром приоритетов во внутренней и внешней политике Советского Союза. Такой выбор временного периода объясняется также тем, что в указанные годы был преодолен культ личности в худшем его проявлении, власть отказалась от массовых репрессий как способа борьбы с инакомыслием, был полностью обновлен блок законодательных актов, регулирующих судопроизводственную деятельность.

Объектом исследования являются общественные отношения, которые возникали и развивались в связи с совершением деяний, формально квалифицируемых как государственные преступления, в период «оттепели» (1953-1964 гг.). В предмет исследования включены нормы уголовно-процессуального права, нормы административного права, регламентирующие деятельность органов государственной безопасности, органов внутренних дел, прокуратуры, деятельность судов, а также научные труды, посвященные данной проблематике, материалы политических процессов по конкретным уголовным делам.

Методологическая основа исследования базируется на основных положениях теории научного познания и принципах исторического анализа: объективность, историзм, единство исторического и логического, абстрактного и конкретного, общего и особенного, единичного и уникального. В процессе исследования использовались специальные методы - хронологический,

сравнительно-правовой, системный, юридико-категориальный, структурно - функциональный, статистически-правовой и др. Источники исследования включают в себя опубликованные нормативные правовые акты, иные документы партийных и государственных органов; сборники документальных материалов, статистические данные, справочные издания; неопубликованные архивные материалы; а также периодическую печать. В диссертации были использованы сборники опубликованных документов Советского государства, содержащие законы, постановления, распоряжения, приказы партийно-государственных и правоохранительных органов. В них закреплялись политический курс правящего режима, механизмы борьбы власти с антисоветскими проявлениями. Специфика темы исследования предопределяет определенную возможность использования публицистики, воспоминаний, автобиографий, так как произведения этих жанров в СССР на рубеже 1990 г. стали по многим вопросам по сути первыми открытыми правдивыми публикациями о сложном периоде трансформации карательной политики, в том числе по делам, которые ранее были закрытыми для исследователей (например, дело о подавлении протеста против повышения цен на продукты питания в Новочеркасске в 1962 г.). Справочники, энциклопедические словари, библиографические указатели, использованные в диссертации, способствовали уточнению общих и частных вопросов, связанных с темой исследования. Неопубликованные сведения и материалы обнаружены в различных архивохранилищах Российской Федерации. Значительное количество необходимых сведений извлечено из ряда фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В работе использован также ряд материалов из Архива Президента Российской Федерации (АП РФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), а также материалы Специального архивного фонда ИЦ ГУВД Краснодарского края. В работе использованы только открытые и доступные источники, в связи с чем анализ деятельности органов госбезопасности в силу ее специфики изначально в определенной степени ущербен, что, однако, не уменьшает необходимости и целесообразности такого анализа на основе указанных источников.

Целью исследования является анализ законодательной основы деятельности дознавательных, следственных, судебных органов и органов государственной безопасности по делам о преступлениях против государства в период «оттепели» (1953-1964 гг.) и практики его применения по конкретных уголовным делам.

Поставленная цель предопределила следующие исследовательские задачи:

- выявить правовые основания и особенности привлечения к уголовной ответственности за преступления против государства в период «оттепели»;
- дать характеристику советского государства в годы «оттепели» и показать влияние ее идеологии на развитие уголовной ответственности за государственные преступления;
- охарактеризовать реформу судебной системы СССР во второй половине 1950-х гг.;

- проанализировать развитие уголовного процесса по делам о преступлениях против государства в рассматриваемый период;
- изучить структуру, полномочия и методы деятельности органов государственной безопасности по делам о преступлениях против государственного строя;
- охарактеризовать организационно-правовое развитие системы мест лишения свободы в контексте деполитизации ГУЛАГа;
- показать реализацию уголовной ответственности за государственные преступления на примерах наиболее известных дел, рассмотренных в годы «оттепели».

Научная новизна исследования определяется прежде всего тем, что в данной работе на комплексном монографическом уровне изучена проблематика, связанная с юридической стороной осуществления судопроизводства по уголовно-политическим делам в период «оттепели» (1953-1964 гг.), что в правовой науке еще не было предметом специального исследования. В диссертации выявлены тенденции развития уголовно-процессуального права, проведен анализ основных стадий следственной и судебной деятельности по делам о государственных преступлениях. Систематизирована нормативно-правовая база деятельности органов государственной безопасности. Проведено сопоставление содержания уголовно-процессуальных норм, регулирующих судопроизводство по делам о преступлениях против советской власти, и практики их применения на примере конкретных уголовно-политических процессов.

В результате проведенного исследования разработаны следующие **основные положения, выносимые автором на защиту**:

1. Несмотря на масштабность послесталинского реформирования советского общества, его политическая и экономическая основа оставалась неизменной – по этим позициям хрущевская «оттепель» принципиально ничего не изменила. Не следует переоценивать и либерализацию духовной жизни – здесь хотя и было больше творческой свободы, но общий подход также оставался прежним: общественные науки, литература, искусство, как и раньше, должны были быть проводниками идеологического курса партии, опираться на «партийность», классовый подход, социалистический реализм. КПСС четко обозначала допустимые границы критического осмысления прошлого и настоящего. В этом контексте отношение властной элиты к лицам, посягающим на советский государственный строй, также оставалось крайне отрицательным. Вместе с тем проведенные преобразования изменили общественно-психологический климат в стране, население освободилось от страха политических репрессий, власть исключила из арсенала борьбы с оппонентами искусственное создание «врагов народа» с последующим их разоблачением, «всенародным» осуждением и суровым наказанием, причем нередко во внесудебном порядке. При расследовании и судебном рассмотрении дел о государственных преступлениях значительно больше внимания стало уделяться вопросам соблюдения законности. В целом юридическая составляющая об-

щественно-политических изменений периода «оттепели» оказалась значительнее других.

2. В период «оттепели» была проведена существенная трансформация института уголовной ответственности за государственные преступления. Анализ принятых 25 декабря 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» показывает, что при сохранении основного перечня составов преступлений против советского государства (шпионаж, измена Родине, антисоветская пропаганда, диверсия и др.) заметно изменилась общая направленность их законодательной трактовки. Так, практически был исключен классовый признак, то есть одна из главенствующих идей сталинизма об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма и необходимости соответственно ужесточения наказания в отношении «классовых врагов». В этой связи исчезли такие термины, как «контрреволюционное преступление», «мировая буржуазия», «активная борьба против рабочего класса и революционного движения» и др. Составы преступлений стали более конкретны, их формулировки были избавлены от революционной и контрреволюционной риторики. Изменился и подход к ответственности за совершение преступлений против государства (государственных преступлений). Если ранее имели место, по сути, безальтернативные наказания (расстрел) по многим составам, то по закону 1958 г. все без исключения составы государственных преступлений предусматривали альтернативу, в том числе наиболее тяжкие составы - как правило, это было лишение свободы на срок до 15 лет (против 25 лет по прежнему закону) с конфискацией имущества или смертная казнь с конфискацией имущества. Ушли в прошлое такие навеянные революционным временем первых лет советской власти виды наказания (мер социальной защиты), как «объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов», «удаление из пределов Союза ССР на срок», поражение в политических правах как дополнительное наказание.

3. Судебная система в годы «оттепели» была обновлена, но не претерпела принципиальных изменений, если иметь в виду полномочия судебных органов по рассмотрению дел о государственных преступлениях – основную часть из них рассматривали верховные суды союзных и автономных республик, областные (краевые) суды. Верховный суд СССР также мог принять к своему производству уголовно-политическое дело по мотиву его значимости. Дела о шпионаже, а также дела, где одним из субъектов государственно-го преступления был военнослужащий, рассматривали военные трибуналы. При этом законодатель в качестве цели правосудия на первое место ставил охрану политического строя и только потом – права граждан.

4. В новом уголовно-процессуальном законодательстве, принятом в период «оттепели» (Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г.) по сравнению с предшествующим законодательством закреплены более весомые гарантии прав подозреваемых, обвиняемых и подсудимых. При этом Основы содержали ряд норм, которые

косвенно отражали имевшиеся ранее нарушения законности при производстве следствия и суда, в частности, в ст. 13 указывалось, что «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, не вправе перелagать обязанность доказывания на обвиняемого. Запрещается домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер».

6. Советский законодатель, издав в целом более демократический уголовно-процессуальный закон, тем не менее не смог преодолеть «сталинский синдром» и не решился на ожидаемый, с точки зрения логики проводимых государственно-правовых реформ, шаг, связанный с возможностью допуска защитника обвиняемого с момента предъявления обвинения, оставив, с некоторой корректировкой, прежнее общее правило, когда защитник допускался только по окончании предварительного следствия. В результате в течение всего периода следствия, в том числе при проведении допросов и всех других следственных действий, обвиняемый не мог адекватно себя защищать, оставаясь один на один с могущественной правоохранительной системой.

7. В период «оттепели» система ведущих силовых правоохранительных структур (органы государственной безопасности и органы внутренних дел) подверглась довольно существенной реорганизации, которая в целом была последовательной и имела цель не допустить концентрации в ведении одного государственного органа самостоятельных карательных полномочий. В начале 1954 г. последовало принципиальное организационно-правовое решение, которое заключалось в структурировании государственной безопасности в самостоятельное ведомство – КГБ при СМ СССР с более ограниченными, чем ранее, полномочиями, при этом достаточно четко был определен правовой статус этого органа. Вместе с тем КГБ в своей деятельности по-прежнему руководствовался решениями правящей и единственной в стране КПСС. Кроме того, проявления недовольства внутренней политикой советской власти, и даже открытые протесты, как, например, в Новочеркаске в 1962 г., показали, что власть по-прежнему намерена была более активно использовать органы госбезопасности для сохранения и укрепления своего «статус-кво», что логически вытекало из условий сохранившейся административно-командной системы управления советским обществом, в которой, однако, карательная составляющая уже не являлась абсолютно доминирующей.

8. 1 сентября 1953 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было упразднено, причем окончательно, Особое совещание при Министре внутренних дел СССР, и это печально известное секретное учреждение в истории развития государственной безопасности нашей страны ушло в прошлое. В официальных документах руководителей госбезопасности был представлен достаточно полный отчет о незаконной деятельности ОСО, соответственно было принято решение о сплошном пересмотре обвинительных решений, вынесенных этим внесудебным органом. Официальное признание незаконных в недавнем прошлом методов работы государственных органов безопасности, повлекших десятки тысяч искалеченных судеб советских граждан, представляется важнейшим и принципиальным актом советского руководства. Эти факты не стали достоянием общественности – власть не реши-

лась их опубликовать, но все же тем самым была закреплена точка невозврата к мрачным временам большого террора.

9. Судебные процессы по делам о государственных преступлениях имеют ряд общих черт, обусловленных как теми преобразованиями либерального толка, которые были характерны для периода «оттепели», так и тем наследием сталинского прошлого, от которого полностью освободиться так и не удалось. Так, повышенное внимание уделялось соблюдению законности, органы следствия и суд достаточно четко соблюдали предусмотренные уголовно-процессуальным законом формальные процедуры, наблюдались более смелые, чем в сталинские годы, выступления адвокатов подсудимых. Вместе с тем продолжала оставаться предрешенность судебных приговоров – как и раньше, эти вопросы обсуждались во властных (прежде всего, партийных) инстанциях, определялась общая установка, нередко – конкретная, а следователям и судьям оставалось лишь облечь эти установки в необходимую правовую форму, даже если при этом приходилось создавать искусственные доказательства, как это имело место, например, в отношении рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода, формально обвиняемых в совершении такого государственного преступления, как бандитизм. Однако степень вмешательства в судопроизводственную деятельность со стороны властных структур было, конечно, уже меньше.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается, прежде всего, в том, что результаты проведенного историко-правового анализа юридических основ осуществления судопроизводства по делам о государственных преступлениях в период «оттепели» (1953-1964 гг.), могут представить научный интерес в изучении истории развития розыскных, следственных и судебных органов в нашей стране, а также могут быть использованы в правоприменительной практике реабилитации жертв политических репрессий. Сформулированные автором выводы дополняют и развивают ряд разделов науки истории государства и права и могут стать основой при последующем научном исследовании данной проблематики. Выводы и фактические материалы исследования будут способствовать дальнейшему изучению природы Советского государства и права в середине XX века. Кроме того, результаты научного исследования могут быть использованы в учебном процессе высших учебных заведений при преподавании как общетеоретических, так и практических дисциплин, при написании учебных, диссертационных, монографических и иных работ.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования нашли свое отражение: в пяти научных публикациях автора общим объемом 1, 4 п. л., в докладах и материалах научных конференциях. Наиболее важные результаты диссертационного исследования использованы при проведении занятий по курсу «История отечественного государства и права» в Краснодарском университете МВД России, других высших учебных заведениях. Научные, педагогические работники, работники судебной системы могли ознакомиться с основными положениями диссертации на научно-

практических конференциях в Краснодаре, Ростове-на-Дону, Ставрополе, в работе которых участвовал диссертант.

Структура диссертации обусловлена актуальностью и целями исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава **«Правовые основания и особенности привлечения к уголовной ответственности за преступления против государства в период «оттепели»»** включает в себя два параграфа.

В первом параграфе *«Характеристика советского государства в годы «оттепели» и влияние ее идеологии на развитие уголовной ответственности за государственные преступления»* отмечается, что смерть Сталина в марте 1953 г. стала символической вехой в истории российского общества – советская страна, в течение почти четверти века пребывавшая в некоем политическом оцепенении под жестким руководством «великого вождя всех времен и народов», стала освобождаться от ощущения страха на фоне перманентного поиска очередных «врагов народа», чему не помешала и Великая Отечественная война, люди стали чувствовать себя относительно более свободнее и спокойнее. Новое руководство страны провозгласило курс на демократизацию жизни общества, что, собственно, и предопределило название «оттепели» как периода, заметно отличающегося от предшествующего сталинского периода по психолого-политическому состоянию общества. Особое внимание было сосредоточено на необходимости укрепления законности.

Далее в работе показывается, что новая политика нашла отражение прежде всего в начавшейся реабилитации ранее незаконно репрессированных лиц, в том числе был реабилитирован Тухачевский и другие осужденные военачальники. В сентябре 1953 г. были ликвидированы Особое совещание при МВД СССР и другие чрезвычайные внесудебные органы («тройки») и тем самым был отменен внесудебный порядок рассмотрения уголовно-политических дел. Этот процесс не смогла остановить и развернувшаяся борьба за личную власть в стране между бывшими «соратниками», работавшими рядом со Сталиным и разделявшими в целом новый курс – диссертант уделяет внимание и этому аспекту, учитывая, что убеждения и личные качества победившего в этой борьбе Хрущева во многом предопределили дальнейший политический курс страны. При этом отмечается, что в процессе устранения главного противника – Берии использовались «проверенные» методы недавнего сталинского прошлого, когда его арест и последующее осуждение не имели практически ничего общего с правосудием. Вместе с тем закрытый спешный суд и казнь Берии положили конец смертным приговорам чиновникам высшей властной элиты – после этого таковые будут переводиться на другую работу, увольняться на пенсию, но уголовных репрессий к ним применяться уже не будет.

Далее раскрываются другие аспекты, характеризующие либерализацию общественных отношений в СССР, при этом отмечается, что этот процесс сопровождался противоречивыми явлениями. В частности, представители интеллигенции чаще, чем раньше, стали более критически высказываться о внутренней и внешней политике власти, особенно после известных событий в Венгрии в 1956 г., о чем органы госбезопасности докладывали советскому руководству. Пришлось по этому поводу даже разослать в партийные организации письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» (19 декабря 1956 г.). Далеко не всем нравилось и то, что, несмотря на осуждение культа личности, Хрущев в некоторых своих выступлениях по сути поддерживал проводимую ранее политику. Делается вывод о том, что не только незаконные репрессии сталинского периода были причиной напряженного состояния советского общества – к тому времени (1956 г.) политических репрессий в прежнем русле уже не было, а недовольства действующей властью продолжали иметь место, и коренные причины, как представляется, заключались в самом политическом строе, который неизменным, в продолжающихся экономических трудностях, но этого правящая элита не желала признавать, и такое непризнание было искренним, учитывая действительно пролетарское происхождение основной ее части.

Тем не менее проявленные факты «антисоветских вылазок» подтолкнули руководство страны к более активным действиям по трансформации уголовной ответственности за преступления против советского государства в сторону ее смягчения. И далее диссертант подробно раскрывает особенности развития уголовной ответственности за государственные преступления. Основное внимание при этом уделено принятым в один день (25 декабря 1958г.) Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Закону СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления». Отмечается, в частности, что составы преступлений были систематизированы, при этом их перечень был, с одной стороны, сокращен, если иметь в виду наиболее тяжкие преступления (например, был исключен такой состав, как участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии), а, с другой стороны, расширен – за счет тех составов, которые ранее не являлись государственными преступлениями, и данное обстоятельство, очевидно, можно считать единственным, которое несколько усугубляло вину лиц, совершивших такие преступления, по сравнению с предшествующим уголовным законодательством. Другие оценки этих законов приводятся в положениях, выносимых на защиту. После вступления в силу УК РСФСР 1960 г., куда полностью вошли составы преступлений против государства из союзных Основ, до конца периода «оттепели» произошли корректировки, предусматривающие некоторое усиление ответственности, которые также рассматриваются в работе.

Во втором параграфе *«Реформа судебной системы СССР во второй половине 1950-х гг. и развитие уголовного процесса по делам о преступлениях против государства»* отмечается, что в течение более чем половины рас-

смагриваемого периода (1953 – конец 1950-х гг.) в СССР функционировала судебная система, сформированная в своей основе еще в довоенное время на базе Конституции СССР 1936 г., в связи с чем дается характеристика законодательного регулирования этой системы и внесенных в нее изменений после смерти Сталина. Так, 28 июля 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О подсудности дел о государственных преступлениях». Высший законодательный орган предписывал, что «все дела о государственных преступлениях, совершенных гражданскими лицами, кроме дел о шпионаже, подсудны областным, краевым Верховным судам автономных и союзных республик, а также Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР. Дела о шпионаже подлежат рассмотрению Военной коллегией Верховного Суда СССР и военными трибуналами округов (флотов)». При этом указанным выше судебным органам предоставлялось также право рассматривать протесты на приговоры, определения или постановления по делам данной категории до издания настоящего Указа. Затем, в 1957 г. советский законодатель решил уточнить с учетом новых общественно-политических реалий правовой статус Верховного Суда СССР – по этому поводу 12 февраля был издан Закон СССР «Об утверждении Положения о Верховном суде СССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 104 и 105 Конституции (основного закона) СССР». Перед его принятием неожиданно острая дискуссия возникла о судьбе военной коллегии. Так, тогдашний председатель военной коллегии А.А. Чепцов предлагал создать главный военный суд и выступал против сужения функций Верховного Суда СССР. В этой связи у него возник конфликт с прокурором РСФСР А.А. Волиным, который ради удержания своего поста соглашался с резким сокращением полномочий Верховного Суда СССР. А генерал-лейтенант юстиции в отставке А.П. Афанасьев предложил вообще ликвидировать Верховный Суд СССР, поскольку этот орган не рассматривает дела по 1-й инстанции, вся его работа сосредоточена в Пленумах.

Однако такого рода предложения не были поддержаны, и возобладала традиционно-консервативная точка зрения. Примечательно, что Положение о Верховном Суде СССР было утверждено раньше, чем была реформирована сама судебная система, и в которую Верховный суд вошел, можно сказать, в готовом и неизменном виде. Сама же реформа, конечно, назревала, и в этом смысле утверждение Положения о Верховном Суде СССР можно расценивать как начало такой реформы. Продолжение последовало в декабре 1958 г., когда были приняты Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. Диссертант подробно анализирует этот документ. В частности, обращается внимание на то обстоятельство, что законодатель однозначно относит суды к видам правоохранительных органов, и в духе советского государства в качестве цели правосудия на первое место ставит охрану политического строя, и только потом – права граждан. Подчеркивается также, причем очень сильно, идеологическая направленность в деятельности судов, что хорошо видно по формулировке задачи суда (ст. 3): «Всей своей деятельностью суд воспитывает граждан

СССР в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития». При такой изначальной политической заданности при рассмотрении дел о преступлениях против государства рассчитывать на благоприятный исход для обвиненных в совершении такого рода преступлений, конечно же, было очень трудно. Вместе с тем объективно новые Основы о судостроительстве (это в равной степени относится в принятому на базе союзных Основ Закону РСФСР «О судостроительстве РСФСР» от 27 октября 1960 г., который полностью воспринял Основы и детализировал их) способствовали определенной демократизации общественных отношений и поэтому, вероятно, можно говорить об определенном общественно-политическом прогрессе.

Далее автор обращается к анализу реформы уголовно-процессуального права и анализирует принятые также в декабре 1958 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Отмечается, что выработка проектов Основ уголовного судопроизводства проходила в обстановке реальной гласности и с широким привлечением юридической общественности, и это можно считать приметой «оттепели». Например, журнал «Советское государство и право» ввел особую рубрику «Обсуждение вопросов уголовного и уголовно-процессуального законодательства». Только за июль-сентябрь 1958 г. в соответствующих номерах журнала в названной рубрике было опубликовано 18 статей 22 авторов. В апреле и мае 1958 г. составленный к тому времени проект Основ уголовного судопроизводства обсуждался на четырех межведомственных совещаниях с участием как практических работников, так и ученых-процессуалистов. Затем проект был в июне 1958 г. опубликован в журналах «Советы депутатов трудящихся», «Советское государство и право», «Социалистическая законность» и «Советская юстиция». Кроме того, Комиссия законодательных предположений Совета Национальностей обратилась с просьбой высказать предложения по опубликованному проекту Основ к юридическим факультетам и юридическим институтам нашей страны. Диссертант отмечает, что в принятых Основах уголовного судопроизводства по сравнению с предшествующим законодательством наблюдается стремление к установлению более весомых гарантий прав подозреваемых, обвиняемых и подсудимых. В частности, в ст. 13 указывается, что «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, не вправе перелазить обязанность доказывания на обвиняемого. Запрещается домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер» - таких прямо выраженных запретов применять недозволенные приемы при проведении предварительного следствия ранее в уголовно-процессуальном праве нашей страны не содержалось, и они были навеяны, как можно предположить с большой долей вероятности, именно тем, что такие методы следствия применялись ранее, в годы сталинского правосудия, когда следователи органов государственной безопасности, будучи практически бесконтрольными надзор-

ным органам государства (со стороны прокуратуры), партии и общества, могли делать в следственных камерах с обвиняемыми все, что угодно.

Указанные выше позитивные изменения в сфере отправления правосудия нашли отражение в новом УПК РСФСР 1960 г., в который, как и в других случаях, были включены положения Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а также осуществлена их детализация, необходимая и достаточная для правоприменительной деятельности. В частности, в УПК РСФСР 1960 г. определена подсудность уголовных дел, чему посвящена Глава 2 кодекса. Указывается, что дела по государственным преступлениям подсудны судам республиканского и областного (краевого) уровня. Верховному Суду РСФСР подсудны дела особой сложности или особого общественного значения, принятые им к своему производству по собственной инициативе или по инициативе Прокурора РСФСР. Подсудность уголовных дел военному трибуналу определяется Положением о военных трибуналах (трибуналы рассматривали дела о шпионаже и дела, если субъектами преступлений были лица силовых структур). Вместе с тем власть так и не решилась предоставить обвиняемым такое фундаментальное уголовно-процессуальное право, как допуск защитника с момента предъявления обвинения, а не с момента окончания следствия и предъявления обвинительного заключения, хотя в целом институт защиты обвиняемых (подсудимых) нашел, конечно, более подробное и расширенное (с точки зрения прав участников процесса) регулирование.

Что касается других вопросов судопроизводства (допрос, очная ставка, предъявление обвинения, подготовка обвинительного заключения, судебное рассмотрение дела, изготовление и оглашение приговора, право на его обжалование и др.), то в этом отношении советский законодатель воспринял весь позитив предшествующего УПК РСФСР, учел достижения науки, практики, и в целом отрегулировал их достаточно на демократическом уровне. Здесь также не было исключений для производства дел о государственных преступлениях, что мы считаем нужным отметить.

Вторая глава **«Правоохранительные органы, обеспечивающие реализацию репрессивной политики советского государства»** включает в себя два параграфа.

В первом параграфе *«Структура, полномочия и методы деятельности органов государственной безопасности по делам о преступлениях против государственного строя»* отмечается, что сразу после смерти Сталина на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР было принято решение об объединении МГБ СССР и МВД СССР в одно Министерство - МВД СССР. Такое решение было принято явно по инициативе Берии, который, получив после некоторого перерыва кресло министра внутренних дел СССР, в свойственном ему стиле хотел, вероятно, вернуть свое былое влияние, присовокупив к зоне своего кураторства и органы государственной безопасности, и затем, используя эти рычаги, взобраться на высший властный олимп, и отчасти ему удалось, во всяком случае, в его руках вновь оказались самые могущественные спец-

службы страны (за исключением соответствующих подразделений военного ведомства, которое, как известно, оказалось не на стороне Берии). Несколько позже (14 марта 1953 г.) Приказом МВД СССР была утверждена структура МВД СССР, которая анализируется в диссертации.

Следом были приняты несколько правительственных решений, в соответствии с которыми из МВД СССР переводились в другие ведомства экономические подразделения, в частности, были переданы крупные строительства, промышленные и хозяйственные объекты, в т.ч. Дальстрой, Главзолото, Гушосдор и др. Вновь назначенный руководитель органов государственной безопасности Берия в течение апреля-июня (до ареста) предпринял ряд неожиданных, если иметь в виду его же деятельность по подавлению политической оппозиции еще в недавнее сталинское время, шагов по обеспечению законности прав лиц, привлекаемых как раз за преступления против власти. Наиболее характерным в этом отношении был Приказ МВД СССР от 4 апреля 1953 г. «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». Его содержание очень показательное – с точки зрения формирования новых подходов к проблеме противодействия государственным преступлениям со стороны органов госбезопасности после смерти Сталина, и в этой связи он анализируется подробно. Совершенно очевидно, что Берии, в свое время (с 1938 г.) возглавлявшему несколько лет органы госбезопасности, были известны случаи применения пыток во время следствия по делам о преступлениях против государства, и есть очень большая вероятность того, что он сам имел отношение к их применению. И вдруг такой приказ, который можно, на первый взгляд, расценивать как самокритику, как признание своих ошибок в прошлом, как едва ли не раскаяние, пусть и косвенное и запоздалое. Однако вряд ли это так, - и далее автор обосновывает эту позицию. В частности, указывается, что если бы речь действительно шла о принципиальной несогласии с пытками во время следствия, то следовало не «запрещать» того, что и не разрешалось никакими законами, а расследовать эти факты и привлечь виновных к юридической ответственности. Вместо этого Берия издает внутриведомственный приказ и тем самым как бы закрывает страницу над темной и преступной частью деятельности органов госбезопасности (мы далеки от мысли о том, что вся деятельность спецслужб была таковой, поэтому речь идет только о тех делах, где применялись пытки) и одновременно этот ход давал ему возможность отвести удар от себя – ведь именно он, а никто другой, стал инициатором такого рода «разоблачений». Однако такая тактика Берии не поможет.

После ареста Берии (26 июня 1953 г.) процесс трансформации органов государственной безопасности, тем не менее, продолжался по прежнему вектору. Так, 1 сентября 1953 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было, наконец, упразднено, причем окончательно, Особое совещание при Министре внутренних дел, а приказом МВД СССР от 11 сентября 1953 г. был расформирован Секретариат ОСО при МВД СССР, и это печально известное секретное учреждение в истории развития государственной безопасности нашей страны ушло в прошлое. Несколько позже в официальных до-

кументах руководителей госбезопасности был представлен достаточно полный отчет о незаконной деятельности ОСО, соответственно было принято решение о сплошном пересмотре дел. Диссертант полагает, что официальное признание незаконных в недавнем прошлом методов работы государственных органов безопасности, повлекших десятки тысяч искалеченных судеб советских граждан, представляется важнейшим и принципиальным актом советского руководства. Эти факты не стали достоянием общественности – власть не решилась их опубликовать; думается, в основном из-за определенного опасения, что это могло вызвать волну критики в адрес самих реформаторов, поскольку с неизбежностью возникал бы вопрос о том, почему они, зная об этом тогда, молчали, и решились только после смерти Сталина и казни Берии? И все же это признание в беззаконии многого стоило для дальнейшего развития советской государственности – власть сумела перешагнуть через сложный психологический барьер и закрепить тем самым точку невозврата к мрачным временам большого террора.

В начале 1954 г. последовало принципиальное организационно-правовое решение, которое заключалось в выделении органов государственной безопасности вновь в самостоятельное ведомство – КГБ при СМ СССР. В работе подробно рассматривается структура этого органа, функции, полномочия. Отмечается в связи с этим, что в таком виде КГБ функционировал не только оставшиеся годы «оттепели», но и оставшиеся годы существования советского государства вообще. Отмечается, что КГБ уже не был обременен проблемой искусственного создания «классовых врагов» и последующего их доблестного «разоблачения», то есть эта страница участия органов госбезопасности в *целенаправленных массовых репрессиях* своих же сограждан была перевернута. Вместе с тем перегибы, реликты прошлого продолжали иметь место. Как и раньше, работу КГБ направлял ЦК КПСС, а фактически несколько человек из высшего руководства страной. В дальнейшем правовой статус КГБ определенным образом совершенствовался, в частности, в 1959г. было утверждено Положение о КГБ. В работе рассматриваются также другие документы, касающиеся правового статуса органов госбезопасности.

Во втором параграфе *«Организационно-правовое развитие системы мест лишения свободы в контексте деполитизации ГУЛАГа»* отмечается, что в сфере исполнения уголовных наказаний действовали многочисленные ведомственные документы, которые в рассматриваемый период постепенно заменялись законодательными актами, регулирующими преимущественно порядок отбывания наказания в виде лишения свободы. В этой связи диссертант указывает, что в большинстве своем обвиняемые в совершении государственных преступлений приговаривались именно к лишению свободы. Помимо этого применялись традиционные для политических преступников ссылка, высылка. Применялась и смертная казнь, но в несопоставимо меньшем объеме, чем в предшествующие «оттепели» годы. С учетом этого основное внимание в работе сосредоточено на исполнении наказания в виде лишения свободы, имея также в виду и то, что абсолютное большинство осужденных за государственные преступления после определенных организационных

преобразований ГУЛАГа в начале рассматриваемого периода стали отбывать наказания в общих местах лишения свободы. В работе дается количественно-качественная характеристика ГУЛАГа как системы мест лишения свободы.

Далее отмечается, что в течение 1953 г. на разных уровнях обсуждался вопрос о том, а в каких направлениях реорганизовывать эту систему. Примечательно, что, почувствовав, видимо, ветер перемен, к этому процессу подключились и бывшие осужденные, которые направляли свои предложения в различные властные структуры. Автор анализирует несколько таких писем, в частности, письмо бывшего заключенного Дальстроя А.М. Дородницына К.Е. Ворошилову о реорганизации системы лагерей от 28 сентября 1953 г. Бывший репрессированный инженер-строитель в обширнейшем фолианте (30 страниц) ни одним словом не жалуется на свое положение – письмо исключительно деловое, и, как видно из содержания, инициированное им самим. Обращаясь к условиям содержания в ИТУ, А.М. Дородницын полагал, в частности, что «должны быть созданы отдельные места заключения: исправительно-трудовые колонии или лагеря - для лиц, осужденных в первый раз и не особенно социально опасных, поскольку они уже попадают в заключение; и концентрационные лагеря усиленного режима для лиц особо социально опасных: рецидивистов, ранее отбывавших наказания в исправительно-трудовых лагерях или колониях и неисправившихся, особо опасных бандитов и убийц, громил и погромщиков, расхитителей социалистической собственности с корыстной целью личного присвоения на сотни тысяч рублей, действительных изменников родины и контрреволюционеров, сознательно совершивших подлинные, подрывные, имеющие реальные последствия преступления против социалистического строя, государственной безопасности и советской власти» (термин «концентрационный лагерь» в официальных документах не применялся, но использование его автором письма показывает, что он, бесспорно, был в употреблении, и это лишний раз, пусть в данном случае, и косвенно, свидетельствует об особенностях карательной сущности сталинского ГУЛАГа.

В итоге в начальный период «оттепели» были подготовлены следующие руководящие постановления ЦК КПСС, связанные с оценкой состояния и основными направлениями дальнейшего развития ГУЛАГа: 12 марта 1954г. - «Об основных задачах Министерства внутренних дел СССР» и 10 июля 1954 . - «О мерах улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД», где деятельности исправительно-трудовых учреждений давалась политическая оценка критической направленности. Отмечалось, в частности, что важнейшая государственная задача по перевоспитанию заключенных на основе приобщения их к общественно полезному труду путем обучения трудовым профессиям, необходимым после отбытия срока наказания, исправительно-трудовыми лагерями исполняется неудовлетворительно. Уделяя основное внимание хозяйственной деятельности, руководство ГУЛАГа и лагерей данную работу упустило. В частности, указывалось на вредное влияние рецидивистов и лиц, осужденных за тяжкие преступления, называлось необоснованное совместное содержание впервые осуж-

денных за незначительные преступления с неоднократно судимыми. Указанные два постановления ЦК КПСС явились поворотным моментом в изменении исправительно-трудовой политики советского государства, они дали серьезный импульс в ускорение процесса деполитизации ГУЛАГа, то есть трансформированию этой системы из имеющей преимущественно политический характер в обычную систему уголовно-исполнительных учреждений. В развитие партийных решений в дальнейшем принимались законные и подзаконные нормативно-правовые акты, а также управленческие решения в сфере деятельности уголовно-исполнительных учреждений, основные из которых анализируются диссертантом и которые в целом автором оцениваются позитивно. Однако на этом фоне из логического развития советской исправительно-трудовой системы выпадают некоторые массовые неповиновения заключенных, которые имели место после 1953 г. (например, в ИТЛ Кенгира в 1954г.). Диссертант считает, что такие явления можно объяснить излишне жестким режимом содержания, который поддерживала там лагерная администрация, и необходимости в котором не было. Однако этот аспект автор оставляет за пределами своего внимания, учитывая, что эта довольно сложная тема требует специального анализа.

В качестве очень важного в работе отмечается принятое 25 октября 1956 г. совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы МВД СССР, где были определены перспективы дальнейшего развития исправительно-трудовой системы. В частности, было намечено произвести некоторую децентрализацию в руководстве ИТУ (как и в целом органов внутренних дел). До этого они подчинялись строго по вертикали ГУЛАГу. Согласно постановлению ИТУ становились структурной частью республиканских органов управления. Исправительно-трудовые лагеря как вид учреждений для исполнения наказания в виде лишения свободы ликвидировались и одновременно максимально расширилась сеть исправительно-трудовых колоний (вместе с тем лесные ИТЛ сохранялись, они были ликвидированы позже в течение 1960-1962 гг.). Прекращает существование аббревиатура «ГУЛАГ» и заменяется на ГУИТК (Главное управление исправительно-трудовых колоний), а после передачи в это ведомство Тюремного отдела МВД СССР появилось новое название – ГУМЗ (Главное управление мест заключения), которое позже в связи с ликвидацией в 1960 г. МВД СССР будет упразднено (с передачей управленческих функций в республики), а затем, после восстановления союзного органа внутренних дел (1966 г.), появится ГУИТУ (Главное управление исправительно-трудовых учреждений).

В работе подробно анализируется также утвержденное в 1961 г. Типовое положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах, в котором в качестве концептуальной основы пенитенциарной политики служило известное положение Программы КПСС о том, что в условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности. Соответственно к ранее принятым нормам вводились элементы прогрессивной системы (изменение условий содержания осужденных в пределах одного учреждения), больше внимания предписывалось уделять обще-

образовательному и профессионально-техническому обучению осужденных. При каждом ИТУ предусматривалось создавать либо собственные предприятия, либо предприятия на основе кооперации. Все исправительно-трудовые колонии разделялись по режиму: общему, усиленному, строгому и особому. Соответственно устранялся серьезный недостаток прежнего размещения осужденных, связанный с совместным содержанием впервые осужденных и неоднократно судимых. В 1963 г. появились колонии-поселения, куда должны были переводиться осужденные к лишению свободы, твердо ставшие на путь исправления, а в 1964 г. – институт условного освобождения их мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду на стройках народного хозяйства. Очень важно подчеркнуть, что в издаваемых выше нормативно-правовых актах государственные преступники не выделялись как особая категория осужденных (термин «заключенные» в документах конца рассматриваемого периода также перестал использоваться), и хотя предусматривались отдельные ИТУ, где содержались часть из них, режим содержания по действующим нормам был таким же, как и для других осужденных.

Третья глава **«Реализация уголовной ответственности за государственные преступления по наиболее известным делам, рассмотренным в годы «оттепели»»** включает в себя четыре параграфа, в которых анализируются уголовно-процессуальные особенности некоторых уголовно-политических процессов, а именно: в первом параграфе – *«дело Пауэрса (1960г.)»*; во втором параграфе – *«Новочеркасское дело» (1962 г.)*; в третьем параграфе – *«дело Пеньковского (1963 г.)»*, в четвертом параграфе – *«дело Бродского (1964 г.)»*.

Все судебные процессы по делам о государственных преступлениях имеют ряд общих черт, обусловленных как теми преобразованиями либерального толка, которые были характерны для периода «оттепели», так и тем наследием сталинского прошлого, от которого полностью освободиться так и не удалось. Прежде всего речь идет о том, что повышенное внимание уделялось соблюдению законности, о чем свидетельствует, например, то обстоятельство, что и органы следствия, и суд достаточно четко соблюдали предусмотренные уголовно-процессуальным законом формальные процедуры. Далее, наблюдается более смелые, чем в сталинские годы, выступления адвокатов обвиняемых (подсудимых). Так, адвокат изменника родины Пеньковского - А.К. Апраксин, оказавшись в довольно сложном положении (защищать предателя, сознавшего в своем предательстве, трудно по определению), тем не менее, выступил на высоком профессиональном уровне. Указав на тяжесть преступления в виде измены Родине, он заметил вместе с тем, что «в этой тяжелой защите мне помогает гуманность нашего законодательства, обеспечивающего защитой любого гражданина, находящегося на скамье подсудимых ... мне помогает учет всех обстоятельств, даже незначительных, говорящих в пользу подсудимого, независимо от тяжести совершенного им преступления». Ранее в отношении обвиняемых в государственных преступлениях адвокаты таких пассажей позволить себе не могли. Апраксин говорил о том, что ранняя блестящая карьера (в 25 лет - командир полка, в 30 лет –

полковник) «ослепила» Пеньковского, «у него от успехов закружилась голова», он стал заявлять завышенные требования и в какой-то момент сорвался, «личные блага стали выше интересов общества, выше благополучия своих близких и родных». В качестве смягчающих вину действительно были обоснованы признание, раскаяние Пеньковского, его сотрудничество со следствием, оказание содействия в разоблачении ряда агентов иностранных разведок, положительные характеристики с места службы, участие в Великой Отечественной войне, наличие правительственных наград. Было подчеркнуто отсутствие идейных разногласий с политикой советского государства. В итоге адвокат просил суд сохранить Пеньковскому жизнь (тем не менее Пеньковский будет приговорен к расстрелу). А адвокат молодого поэта Бродского З. Топорова и вовсе потребовала освободить своего подзащитного в зале суда, считая, что он не виновен в инкриминируемых ему деяниях.

Вместе с тем общей была и такая черта, как предрешенность судебных приговоров – как и раньше, эти вопросы обсуждались во властных (прежде всего партийных) инстанциях, определялась общая установка, нередко – конкретная, а следователям и судьям оставалось лишь облечь эти установки в необходимую правовую форму, даже если при этом приходилось создавать искусственные доказательства, как это имело место, например, в отношении рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода, формально обвиняемых в совершении такого государственного преступления, как бандитизм. Однако степень вмешательства в судопроизводственную деятельность со стороны властных структур было, конечно, уже меньше.

Каждое из рассмотренных в работе дел было по своему уникально. Так, дело Паэурса в наибольшей степени было политизировано и отражало обстановку холодной войны – советское руководство, осуждая американского летчика-шпиона, стремилось показать мировой общественности «истинное лицо» милитаристских кругов США, стоявших у власти в этой стране и грубо нарушавших международные нормы воздухоплавания. Дело бывшего полковника ГРУ Пеньковского было последним в истории СССР открытым процессом над изменником Родины, стенограмма которого была официально издана в советском государстве. Но если в отношении Паэурса и Пеньковского у следствия и суда не было больших проблем со сбором доказательственной базы, то в «новочеркасском деле» власть, столкнувшись со стихийным протестом рабочих против повышения цен на основные продукты питания, некоторое время находилась в растерянности, не зная как поступить с этим протестом. После силового подавления, когда раздались выстрелы в мирных демонстрантов и пролилась кровь, встал вопрос о квалификации действий митингующих. И вот здесь власть вновь проявила неоправданную жестокость, теперь уже в части следственно-судебных решений, когда действия рабочих без достаточных на то оснований, не принимая во внимание доводы обвиняемых, были квалифицированы как бандитизм и массовые беспорядки, причем ни в обвинительном заключении, ни в приговоре вообще не упоминались истинные причины стихийного выступления рабочих, а сами они были представлены как «бесчинствующие уголовные элементы». Наконец, власть еще

раз проявила жестокость, тайно от родственников похоронив убитых демонстрантов. Этот процесс показал, что власть оказалась напуганной таким поворотом событий, и решила еще сильнее «закрутить гайки». А дело Бродского характерно тем, что оно отражает несколько измененную стратегию борьбы власти с антисоветскими проявлениями, а именно больший, чем раньше, акцент стал делаться на предупреждение государственных преступлений, что, в свою очередь, логически вытекало из общих партийных установок о ликвидации в стране преступности в процессе строительства коммунистического общества. Речь идет о том, что в арсенал предупредительных мер во второй половине периода «оттепели» включались нормы об ответственности за деяния, которые, во-первых, формально не являлись противогосударственными, и, во-вторых, имели не уголовно-правовой, а административно-правовой характер. В этом смысле характерным является Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни», позволявший «неблагонадежных» лиц, которых посредством милиции и их общественных помощников превращали в «тунеядцев», отправлять подальше из крупных городов и прежде всего из столиц – с тем, чтобы они не имели возможности вести деятельность, близко подходящую к признакам антисоветской агитации и пропаганды (ст. 70 УК РСФСР). Тем самым этим «лицам» власть подавала предупредительный сигнал и одновременно избавлялась от необходимости обострять ситуацию и возбуждать уголовное дело по указанной статье уголовного закона (что касается иных государственных преступлений, то там санкции были очень серьезные, и в отношении их административно-предупредительные меры не имелись в виду), поскольку последнее по мере расширения масштабов «холодной войны» все чаще становилось предметом критики советских властей на международном уровне.

В заключении сделаны основные выводы по диссертации.

* * *

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Статьи в ведущих рецензируемых государственных изданиях, рекомендованные ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований.

1. Либерализации советского общества в период «оттепели» (1953-1964гг.) и ее влияние на содержание карательной политики советского государства// // Общество и право. №4 (22). 2008. – 0, 25 п.л.

Иные публикации:

2. Составы преступлений против государства по Закону СССР от 25 декабря 1958 г. и их последующая трансформация// Актуальные проблемы

государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Межвузовская конференция, посвященная 60-летию со дня принятия Всеобщей декларации прав человека и гражданина. Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ. 2008. - 0,25 п.л.

3. Реформа судопроизводства в конце 1950-х – начале 1960-х гг. как важнейший этап восстановления законности в СССР в послесталинский период// Актуальные проблемы назначения производства и использования судебных экспертиз в процессе расследования преступлений. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Уфа: 2008.-0,2 п.л.

4. Уголовно-политический процесс над Пеньковским (1963 г.) как альтернатива судилищам периода массовых репрессий// Правотворческая и правоприменительная деятельность в Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 20-21 февраля 2007 г. Уфа: Уфимский филиал Ур ГЮА.2007.- .0,25 п.л.

5. ГУЛАГ как важнейший элемент советской карательной политики и процесс его деполитизации в 1950-1960-е гг.// Актуальные проблемы совершенствования правовой системы РФ. Материалы научно-практической конференции молодых ученых, специалистов и студентов высших учебных заведений. Уфа: Уфимский филиал УрГЮА. 2008. – 0,35 п.л.